

Проф. С. В. ЮШКОВ

ПУШКИН — ИСТОРИК

I

Как будто нет необходимости доказывать, насколько важно изучение исторических взглядов А. С. Пушкина. Это необходимо, с одной стороны, для выяснения его общественно-политических взглядов, а с другой стороны, для анализа его многочисленных произведений на исторические темы. Однако приходится признать, что исторические взгляды А. С. Пушкина изучены плохо: как будто мы имеем только одну работу, посвященную этому вопросу, именно работу М. Н. Покровского „Пушкин — историк“, напечатанную в качестве редакционной статьи к полному собранию сочинений.¹ При ближайшем рассмотрении не трудно убедиться, что эта работа М. Н. Покровского является одной из самых неудачных его историографических работ.

М. Н. Покровский в этой своей статье характеризует Пушкина „как барина-крепостника, но приличного, без эксцессов“.² Отсюда он делает вывод, что исторические взгляды А. С. Пушкина не должны выходить из круга феодально-крепостнической историографии. „Научная историография 20—30-х годов“, говорит он, „почти что не существовала для Пушкина. Образцом ученого историка для него оставался Карамзин, в области науки стоявший на уровне не начала XIX в., а второй половины XVIII столетия“.³ Казалось, для того, чтобы доказать это положение, М. Н. Покровскому надо было бы сопоставить исторические взгляды А. С. Пушкина со взглядами Карамзина, но М. Н. Покровский это не делает.

От редакции. Проф. С. В. Юшков, сознательно ограничил свою задачу, не подвергая анализу историко-художественные произведения А. С. Пушкина.

¹ Полное собрание сочинений А. С. Пушкина, изд. ГИХЛ, 1933 г., т. V, кн. 1, стр. 9—29.

² Указ. соч., стр. 18.

³ Указ. соч., стр. 10.

Он прибегает к другим аргументам. Он указывает, что критикуя „Историю Русского народа“ Полевого — „довольно дилетантское произведение“, А. С. Пушкин не знал „Древнейшего права руссов“ Эверса,¹ легшей в основу будущих построений как Соловьева, так и Кавелина.

М. Н. Покровскому надо было доказать, что А. С. Пушкин не был знаком и с основными направлениями современной ему Западно-Европейской исторической мысли. В этих целях он ссылается на письмо А. С. Пушкина к жене от 1834 г., в котором он сообщает, что читает Тьерри. Отсюда М. Н. Покровский делает вывод, что А. С. Пушкин познакомился с работами Тьерри лишь в 1834 г. Так как А. С. Пушкин в своих работах ссылался на Гизо, то М. Н. Покровский стремится показать, что эти ссылки еще не говорят о непосредственном его знакомстве с работами знаменитого французского историка. Они настолько неопределенны, что могли быть основаны на чтении журнальных статей об этих работах.²

Чтобы окончательно доказать, что А. С. Пушкин был поклонником ультра-монархического историографа, М. Н. Покровский ссылается на печатные отзывы его о Карамзине и на письма.³

Остается один необъяснимый факт — это знаменитая эпиграмма А. С. Пушкина на „Историю государства Российского“, где заклеены основные цели феодально-крепостнической историографии. Но М. Н. Покровский легко разделяется с этой эпиграммой. Он утверждает, что эта эпиграмма только приписывается Пушкину.⁴

Мы считаем, что дальнейший анализ исторических взглядов А. С. Пушкина покажет, насколько не прав был М. Н. Покровский, давая такую характеристику Пушкину как историку. Но тем не менее, необходимо решительно отвергнуть и ту аргументацию, к которой прибегает М. Н. Покровский, не обращаясь к этому анализу.

Мы прежде всего считаем, что незнакомство с работой Эверса (если бы даже это было действительно доказано) не должно свидетельствовать об ограниченности А. С. Пушкина при обсуждении исторических вопросов или о слабом его знакомстве с новейшими течениями исторической мысли. Не говоря уже о том, что работа Эверса была историко-юридической и что круг вопросов, занимавших историка-юриста, был иной, нежели у авторов обще-исторических обзоров, А. С. Пушкин создал свою концепцию русского исторического процесса, которая была, как мы потом убедимся, на несравненно более высоком уровне, нежели взгляды основоположника школы родового быта. А. С. Пушкину принадлежит целый ряд статей исторического содержания, где затрагивались разнообразные вопросы русской истории. Как известно, он долгое время занимался в архивах, где должен

¹ Указ. соч., стр. 9.

² Указ. соч., стр. 10.

³ Указ. соч., стр. 11.

⁴ Указ. соч., стр. 28.

был общаться с наиболее крупными представителями исторической науки 20-х и 30-х годов и, конечно, должен быть в курсе основных течений русской исторической мысли.

Нельзя признать обоснованным и другое обвинение М. Н. Покровского — в том, что А. С. Пушкин был недостаточно знаком с произведениями французских историков — Гизо и Тьерри. Как мы увидим, основные мысли о феодализме сложились у А. С. Пушкина, как раз под влиянием Тьерри и Гизо. Что А. С. Пушкин хорошо знал работы Тьерри до 1834 г. доказывается тем, что он отметил влияние его работ на Полевого еще в 1830 г., когда он писал свои критические заметки на первый том „Истории Русского народа“.

Наконец, мы не можем признать правильными рассуждения М. Н. Покровского о личных отношениях А. С. Пушкина к Карамзину. Несомненно, А. С. Пушкин уважал историографа, восхищался его художественной манерой исторического письма. Все это мы должны признать вполне естественным, если примем во внимание состояние русской исторической науки до Карамзина, если мы учтем манеру и язык историков XVIII в., напр., кн. Щербатова. Но А. С. Пушкин никогда не соглашался ни с его политическими, ни с его историческими взглядами. Достаточно вспомнить то место из его „Автобиографических записок“, ¹ где он рассказывает о своем столкновении с Карамзиным при обсуждении политических вопросов, когда историограф „вспыхнул и назвал его клеветником“. В тех же „Записках“ А. С. Пушкин указывает, что „несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия Карамзина были красноречиво отвергнуты верным рассказом событий“.

О том, что А. С. Пушкин не разделял исторических взглядов Карамзина свидетельствует и знаменитая эпиграмма, причем не приписываемая великому поэту, но действительно ему принадлежащая, по собственному его признанию. ²

М. Н. Покровский, сделав неправильный вывод: „Пушкин-крепостник, следовательно, он должен быть поклонником и ультра-монархического историографа“, должен был при исследовании конкретных взглядов А. С. Пушкина убедиться, что эти взгляды расходятся со взглядами Карамзина в основных пунктах.

Но это расхождение не заставило М. Н. Покровского отказаться от своей схемы, но наоборот, дало ему повод к дальнейшему извращению общественно-политических взглядов А. С. Пушкина. Оказывается расхождение во взглядах между этими двумя крепостниками заключалось в том, что в то время, как Карамзин представлял взгляды крепостников начала XIX в., А. С. Пушкин стремился даже „не к тому, что было при московских царях, а к тому, что было или должно быть еще и до московских царей и о чем мечтать в виду первых фабричных

¹ Полное собрание сочинений А. С. Пушкина, в шести томах, ГИХЛ, 1934 г., т. VI, стр. 378—379. Дальнейшие ссылки на это издание.

² ПСС., т. VI, стр. 379.

труб Москвы было еще страннее".¹ Следовательно, по М. Н. Покровскому, А. С. Пушкин был идеологом ранней феодальной эпохи.

II

Ближайшее изучение исторических работ А. С. Пушкина приводит нас к убеждению, что его исторические взгляды не только ничего общего не имеют с основными взглядами Карамзина, но часто стоят на голову выше взглядов крупнейших представителей буржуазной историографии, при чем к его трактовке некоторых событий русской истории или к характеристикам некоторых исторических лиц может охотно присоединиться современный советский историк.

В краткой статье, мы не в состоянии изложить всю систему исторических взглядов А. С. Пушкина. Приходится ограничиться выявлением тех его взглядов, которые наиболее ярко доказывают прогрессивность его исторического мышления, гениальную глубину его анализа, исключительную яркость его исторических образов.

И здесь среди многих его высказываний необходимо указать на: 1) его общий взгляд на русский исторический процесс, 2) отношение его к крестьянским войнам, 3) отношение к историческому прошлому народов СССР, 4) его взгляд на основные моменты истории XVIII века.

Обратимся к анализу общих высказываний А. С. Пушкина на русский исторический процесс. Нужно заметить, что вопросом этим А. С. Пушкин чрезвычайно интересовался, при чем этот интерес у него был связан с изучением исторических судеб русского дворянства и здесь приходится отметить, что к окончательному решению он пришел не сразу.

Его взгляды окончательно сложились при обсуждении концепции русского исторического процесса Н. А. Полевого, который, как известно, впервые в русской историографии поставил вопрос о феодализме в России. А. С. Пушкин уделил много внимания „Истории Русского народа“ Полевого, который подвергся настоящей травле со стороны современных ему историков, в числе коих первую роль играл Погодин. Первоначально А. С. Пушкин до известной степени поддался общему настроению и дал, как известно, неблагоприятную рецензию на 1-й том „Истории Русского народа“. Но когда вышел второй том, то А. С. Пушкин отнесся к нему с большим вниманием, тщательно его проштудировал и начал писать рецензию. Обсуждая вопросы, поставленные Полевым, А. С. Пушкин сразу же выделил вопрос о феодализме в России. Сперва он не согласился с Н. А. Полевым доказывавшим, существование феодализма в Киевской Руси. Он решительно утверждает, что у нас был не феодализм, а аристократический строй. „Аристократия, а не феодализм, никогда не существовавший, ожидает русского историка“.²

¹ Указ. соч., стр. 29.

² ПСС, т. VI, стр. 91.

Нужно заметить, что А. С. Пушкин, как уже было указано, свое представление о сущности феодальных отношений выработал на основе взглядов знаменитых французских историков — Тьерри и Гизо.

В своей статье, которая обычно редакторами в ПСС озаглавляется „Заметки по истории французской революции“, А. С. Пушкин, следуя Гизо и Тьерри, утверждает, что „феодальное правление основано на праве завоевания“. „Победители присвоили себе землю и собственность побежденных“, обратили их самих в рабство и разделили все между собою. Предводители получили большие участки,— слабые прибегнули к покровительству сильнейших.¹ Несомненно, что А. С. Пушкин разделял взгляды Гизо и на те глубокие изменения, которые произошли в устройстве германских племен в эпоху завоевания ими Римской империи, в частности, окончательное разложение родо-племенных отношений.

Как известно, ни Гизо, ни Тьерри не ставили вопроса о феодализме, как определенной системе экономических отношений. Они определяли феодализм, исходя из целого ряда политических и юридических признаков, из коих на первом месте, стояла раздробленность феодального государства и соединение в руках феодалов землевладельческих и государственных прав. А. С. Пушкин, следуя французским историкам, также считает эти признаки главными и решающими. „Каждый владелец управлял в своем участке по своему, устанавливал свои законы, соблюдая свои выгоды, и старался окружить себя достаточным числом приверженцев для удержания в повиновении своих вассалов или для отражения хищных людей“. „Судопроизводство находилось в руках владельцев. Для записывания их постановлений избирались грамотеи из простолюдинов, ибо знатные люди занимались единственно военною наукою и не умели читать“.²

Класс феодалов образовался большей частью из вольных людей, составлявших некогда войско завоевателей. „Современем они смешались с побежденными; установились взаимные обязательства между владельцами и вассалами, и стихия независимости сохранилась в народе“.

А. С. Пушкин достаточно четко представлял взаимоотношения между королем и феодальной знатью. „Короли, избираемые вначале владельцами, были самовластны только в собственном своем участке; в случае войны с неприятелем, новых налогов или споров между двумя могучими соседями они созывали сеймы“. Структура сеймов менялась. Первоначально они состояли из одних знатных владельцев и военных людей, а затем было призвано духовенство по инициативе властолюбивых палатных мэров. Когда же королевская власть почувствовала необходимость противопоставлять новую силу дворянству, соединенному с духовенством, то к сеймам был привлечен и народ.

А. С. Пушкин чрезвычайно четко представлял себе и процесс разложения феодализма.

¹ См. Тьерри О., История завоевания Англии норманами, стр. 3.

² Заметки по истории французской революции, ПСС, т. VI, стр. 189—191.

Он придает большое значение парламентам. Зарождение парламента представляется им следующим образом. Он связывает их с деятельностью „грамотеев из простолюдинов“, которые записывали судебные постановления феодалов. „Когда же война призывала баронов к защите королевских владений или собственных замков, то в их отсутствии сии грамотеи чинили и суд и расправу сначала от имени баронов, а впоследствии сами от себя. Продолжительные войны дали им основать свою самобытность. Таким образом, родились парламенты“.

Наряду с возникновением парламентов, представлявших новую выросшую силу, А. С. Пушкин отмечает крупную роль в деле разложения феодализма продажи сеньорами прав. „Нужда в деньгах заставляла баронов и епископов продавать вассалам права, некогда присвоенные завоевателями. Сначала откупились рабы от вассалов, затем общины приобрели привилегии. Впоследствии времени короли, для уничтожения власти сильных владельцев, непрестанно покровительствовали общинам, и мало-помалу народ откупился, владельцы обеднели и стали проситься на жалование королей. Они выбирались из феодальных, своих вертепов и стали являться *apprivoisés* (прирученными) в дворовые переднии“. Наряду с продажей прав, А. С. Пушкин подчеркивает значение в деле разложения феодализма продажу королями судебных должностей.

Исходя из этих взглядов, А. С. Пушкин и стремится доказать, что у нас не было феодализма, как это утверждает Полевой, а аристократический строй.

А. С. Пушкин следующим образом аргументирует это положение. Прежде всего, по его мнению, представители русской знати не были феодальными баронами; вместо феодальных баронов были уделы, удельные князья и их дружина. Но почему же нельзя отождествлять удельных князей и их дружину — бояр с феодальными баронами? А. С. Пушкин устанавливает ряд принципов, характерных, по его мнению, для феодализма. Эти принципы носят абстрактный характер: по его мнению, „феодализм, частность, а аристократия — общность“. В дальнейшем А. С. Пушкин разъясняет, что надо понимать под этой абстрактной формулой. В то время, как феодальные бароны жили в своих поместьях, образуя малое семейство и не имели никаких связей между собою, „бояре жили в городах при дворе княжеском, не укрепляя своих поместий, не сосредоточивались в малом семействе не враждуя против королей, не продавая своей помощи городам“.¹

Общность бояр, общность аристократии выражалась в том, что „они были вместе; являясь придворными товарищами, бояре, составили союз, считались старшинством, крамольничали“. Естественно, что будучи придворными товарищами, бояре только и крамольничали“, но самостоятельной политической силы не имели; естественно, что „великие князья не имели нужды соединяться с народом, дабы их усмирить“. Другое возражение

¹ ПСС, т. VI, стр. 92.

А. С. Пушкина против признания существования у нас феодализма — это то, что в то время, как в Западной Европе властвовали представители многих фамилий, у нас властвовала независимо, добиваясь великого княжества, одна фамилия.

Таким образом, А. С. Пушкин ставит вопрос об особом общественном строе, отличном от Западно-Европейского феодализма. Это — строй аристократический. „Укрепивши свое положение, — говорит далее А. С. Пушкин, — в ранний период, аристократия стала могущественной“. Несмотря на то, что Иван III держал ее в своих руках, а Иван IV ее казнил, тем не менее она не была окончательно подавлена. В междоусобице ее значение выросло „до высочайшей степени“. Как и в других своих исторических заметках, А. С. Пушкин и здесь придает большое значение отмене местничества, состоявшейся в 1682 г., при чем высказывает очень интересную мысль о том, что эта отмена была произведена не Федором Алексеевичем, а Языковым, представителем „меньшего“ дворянства.

Все эти соображения побуждают сделать А. С. Пушкина следующий вывод: „феодализма у нас не было и тем хуже“.¹

Оценивая возражения А. С. Пушкина, против существования феодализма в России приходится признать, что они не могли быть убедительными не только для читателя, но и для самого автора. А. С. Пушкин оперировал чрезвычайно абстрактными формулами („феодализм — частность; аристократия — общность;“ „феодальное семейство одно...“). С другой стороны, эти возражения основаны на явном отождествлении боярской службы с дружинными отношениями или на явном преуменьшении владельческих прав боярства.

Нет никакого сомнения в том, что А. С. Пушкин продолжал работать над решением вопроса о существовании феодализма в России и после того, как он так решительно заявил: „феодализма у нас не было и тем хуже“.

И вот мы видим, что дальнейшее изучение вопроса о русской „аристократии“ и русского дворянства привело А. С. Пушкина к иным взглядам о положении бояр XII—XV вв. нежели они были сформулированы во 2-м отрывке статьи об истории русского народа.

А. С. Пушкин принужден был в результате дальнейшего изучения в последнем отрывке „Заметок о русском дворянстве“ признать, что древнюю аристократию „составляли: варяги, богатые военные славяне и воинственные пришельцы“. ¹ Их права были равны княжеским „ибо они были малые князья, имели свои дружины и переходили от одного князя к другому“.

А. С. Пушкин решительно не соглашается сейчас с Н. А. Полевым, который говорил в своей „Истории русского народа“: „Аристократизм существовал только в отношении к народу; пред лицом князя все сливалось в одно звание: рабов. Его первый чин и последний — смерды были перед ним равны“.¹

¹ ПСС, т. VI, стр. 93.

² ПСС, т. VI, стр. 194.

³ История русского народа, т. II, стр. 87.

„Отчего Полевой говорит, что они (представители древней аристократии) были наравне со смердами? Не знаю. Но самое молчание летописцев о их правах показывает, что права сии были ничем неограничены“.

А. С. Пушкин ставит вопрос, когда боярство имело наибольшее значение. Он считает, что это время — время уделов, когда удельные князья сделались боярами. Со времен Ивана III и Ивана IV значение боярства начинает падать. Не трудно видеть, насколько эти высказывания не соответствуют тому, что говорил А. С. Пушкин о боярах во II отрывке третьей статьи об Истории русского народа: „Бояре жили в городах при дворе княжеском, не укрепляя своих поместий“.

Окончилась неудачей попытка А. С. Пушкина развить свои мысли о различии положения западно-европейских феодалов по сравнению с русскими удельными князьями и боярами. Сохранилась заметка, которую редакторы сочинений А. С. Пушкина озаглавливают: „Владельцы феодов“ следующего содержания: *Les seigneurs féodaux avaient les uns envers les autres les devoirs et les droits*.

Удельные князья зависели от единого великого князя, и то весьма неопределенно (но меж собою) — бояре их не были в свою очередь владельцы, но их придворные сподвижники“.²

А. С. Пушкин в этом случае исходит из одного принципа на западно-европейского права в раннее средневековье о равенстве прав владельных феодалов. Этот принцип в свою очередь обусловил возникновение особой группы крупных феодальных сеньоров, так называемых пэров (*pairs*) и повлиял на сложение другого принципа французского феодального права, по которому феодальный король в определенный период является первым среди равных феодалов (*primus inter pares*).

Этот принцип феодального права был формулирован Гизо в „Истории цивилизации во Франции“, а А. С. Пушкин, несомненно находится под его влиянием.

Сопоставляя этот принцип западно-европейского феодального права (вернее французского феодального права с установившимися нормами русских междукняжеских отношений, А. С. Пушкин устанавливает следующие различия между теми и другими:

1. Удельные князья зависели только от единого великого князя и то весьма неопределенно. 2. Бояре их не были владельцами, но их придворными сподвижниками, т. е., не были феодальными сеньорами.

А. С. Пушкин хотел зафиксировать самое главное различие между теми и другими, именно, различие прав и обязанностей между ними и написал: „Но меж собою...“ Однако он не в состоянии был это сделать, так как, имевшийся в его распоряжении, материал говорил против этого положения. Так у Карамзина мы читаем следующую характеристику междукняжеских отношений в удельное время: „Так называемое братское старейшинство великого князя состояло в том, что удельные князья, имея

¹ ПСС, т. VI, стр. 201.

свои особенные гражданские уставы, законы, войска, монету, обязывались иметь с ним одну политическую систему, давать ему войско и серебро для ханов. Но сие обязательство было условное: если он нарушил договор, всегда обидный; если утеснял их, то они могли возвратить крестные грамоты законно искать управы мечем".¹

Следовательно, А. С. Пушкин мог, опираясь на имевшуюся в его распоряжении литературу, выдвинуть: 1) положение о том, что удельные князья могли быть в зависимости только от одного великого князя; 2) положение о неопределенности этой зависимости („сие обязательство было условное"). Но А. С. Пушкин не нашел и не мог найти высказываний о различии прав и обязанностей между удельными князьями. Наоборот, например, по Карамзину, князья, хотя имели особые уставы, законы и проч., тем не менее обязывались „иметь с великим князем одну политическую систему".

Нет никакого сомнения в том, что это глубокое изучение вопроса о древних правах и судьбах русской аристократии и дворянства должно было оказать свое влияние на А. С. Пушкина при дальнейшем обсуждении проблемы о русском феодализме, поставленной Н. А. Полевым. Когда он вернулся к своей незаконченной рецензии на 2-й том „Истории русского народа", то он обратил особое внимание на то место, где Полевой говорил о древнейшей истории русских городов, и в частности, о Великом Новгороде.

„Если сообразите историю Новгорода, невольно изумляетесь сходству оной с историей свободных городов в Италии, Франции и Германии"... „Не менее изумительно и сходство прав и преимуществ Новгородских с правами и преимуществами вольных городов в Италии и Франции". „История Новгорода есть повторение истории городских общин в других землях Европы"...

А. С. Пушкин решительно протестует против отождествления Новгорода и Пскова с вольными феодальными городами раннего западно-европейского средневековья. Его возражение обнаруживает глубокое понимание исторического процесса в России.

„Освобождение городов не существовало в России. Новгород на краю России и соседний ему Псков были истинные республики, а не общины (*communes*), удаленные от великого княжества и обязанные своим бытием сперва хитрой своей покорности, а потом слабости враждующих князей".²

После обсуждения вопроса о Новгороде и Пскове, А. С. Пушкин опять возвращается к вопросу о феодализме в России. И мы уже знаем, что взгляды А. С. Пушкина на положение бояр постепенно изменяются. Он в достаточной степени уяснил владельческие права боярства в особенности боярства XIV—XV вв., в значительной своей массе состоявших из бывших удельных или как мы теперь их называем — служилых князей. Вследствие этого, А. С. Пушкин должен был прийти к заключению, что

¹ История государства Российского, т. V, изд. „Север", стр. 232—233.

² Наброски третьей статьи об „Истории русского народа" Н. А. Полевого, ПСС, т. VI, стр. 93.

его характеристика положения бояр во 2-м отрывке относится к тому периоду, когда еще были сильны дружинные отношения. И тогда А. С. Пушкин отказывается от своего взгляда, который с такой настойчивостью был проведен им во 2-м наброске своей третьей статьи на „Историю русского народа“ Н. А. Полевого, что не феодализм, а „аристократия“ является основой общественного строя Руси. Теперь он признает существование феодализма в России. Он следующим образом формулирует свои новые взгляды :

„Феодализм мог бы, наконец, родиться, как первый шаг учреждений независимости (общины второй), но он не успел. Он развился во время татар, был подавлен Иоанном III, гоним, истребляем Иоанном IV, стал развиваться во время междоусарствия, постепенно упраздняется искусством Романовых и, наконец, разом уничтожен Петром и Анною Ивановной, указом 1731 г. уничтожившей указ Петра.¹

Признав, наконец, существование феодализма в России А. С. Пушкин должен был выработать свою схему исторического процесса. В основном она может быть определена следующим образом:

История России „требуется другой мысли, другой формулы, чем мысли и формулы“ выведенные Гизо из истории Запада.²

С момента возникновения Киевского государства устанавливается не самодержавный строй, а аристократический. Древнюю аристократию составляли варяги, богатые военные славяне и воинственные пришельцы. Их права были равные княжеским, „ибо они были малые князья, имели свои дружины и переходили от одного государя к другому“. „Молчание летописцев о их праве показывает, что права сии были ничем не ограничены“. Поскольку у нас до татар еще не сложился феодализм, то у нас не было борьбы городских коммун с феодальными сеньорами. Феодализм стал развиваться во время татар. Можно думать, что А. С. Пушкин считал, что феодализм достиг своего расцвета в удельную эпоху; именно, во время уделов. Удельные князья, сделавшись сами боярами, достигли наибольшей силы.

Период русской истории, начиная с Ивана III, есть период борьбы самодержавия с феодализмом. Естественно, что А. С. Пушкин должен был подойти глубже к этому периоду, чем это делали многие прославленные буржуазные историки. В частности, для А. С. Пушкина — опричина — это борьба Ивана IV с феодалами, тогда как даже Соловьев считал, что опричина это борьба с отдельными лицами.

А. С. Пушкин должен был отметить возрождение силы и влияния феодальной знати в т. наз. смуту. Особенно интересно, что А. С. Пушкин очень глубоко подошел к вопросу об отмене местничества. В то время как обычно эту отмену объясняют соображениями государственной целесообразности, А. С. Пушкин

¹ Указ. соч., стр. 93.

² Указ. соч., стр. 94.

считает эту отмену, результатом победы меньшего дворянства над боярством.

Далее, политику верховников А. С. Пушкин рассматривает, как феодальную реставрацию, их неудача спасла Россию „от чудовищного феодализма“. А. С. Пушкин решительно настаивает на реакционности мероприятий верховников. „Если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили бы или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили бы число дворян и заградили бы для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных“. ¹

Остановимся на оценке этих взглядов А. С. Пушкина.

Прежде всего обращает на себя внимание, что окончательный вывод по вопросу о существовании феодализма в России А. С. Пушкин сделал после продолжительного изучения и после больших колебаний в этом вопросе.

К нему он пришел не путем голой аналогии с западно-европейским общественным строем, как это несомненно мы наблюдали у Н. А. Полевого.

Далее, окончательно определившиеся взгляды А. С. Пушкина по вопросу о существовании феодализма в России не только свидетельствуют об исключительно глубоком понимании русского исторического процесса, но так же и о том, что он стал иначе разрешать вопрос о возникновении феодализма. Как было указано, первоначально, он, следуя Гизо и Тьерри, считал, что феодализм возникает в результате завоевания. Теперь, устанавливая, что феодализм в России развился во время татарского владычества, он тем самым отказывается от этого взгляда. Следовательно, его взгляды на условия и предпосылки возникновения феодализма шли дальше, нежели господствовавшие в его время взгляды представителей французской школы — Гизо и Тьерри.

Характерно, А. С. Пушкин, высказываясь в пользу существования феодализма в России, не повторяет взгляды Н. А. Полевого в этом вопросе, а ставит и решает его, самостоятельно, аргументируя своими данными. А. С. Пушкин после выхода первых двух томов „Истории русского народа“, посвященных истории Киевской Руси, не мог знать, как Полевой будет в дальнейшем представлять русский исторический процесс. Следовательно, приходится признать, что если Н. А. Полевой первый из русских историков стал говорить о феодализме в России, то А. С. Пушкин был первым исследователем, поставившим проблему о феодализме в целом, продумавшим весь русский исторический процесс под углом признания существования феодализма в России. Он был таким образом первым исследователем, который так глубоко, так проникновенно понял процесс русского исторического развития. Достаточно вспомнить, что все представители помещичье-буржуазной исторической мысли, начиная от Соловьева и кончая Платоновым, с исключительным упорством боролись против признания существования феодализма в России. Но и те иссле-

¹ Заметки по Русской истории XVIII в., ПСС, т. V, стр. 179—188.

лователи, которые признавали существование феодализма, отводили на период феодализма время до середины XVI в. Павлов-Сильванский склонен был считать, что феодализм у нас сменился сословно-представительной монархией. А сословно-представительные учреждения возникли у нас со времен Грозного. Рожков считал, что русский феодализм просуществовал до середины XVI в., когда началась дворянская революция.

Отсюда ясно, что А. С. Пушкин, создав свою собственную концепцию русского исторического процесса, не только не имел никаких точек соприкосновения с Карамзиным и другими представителями феодально-крепостнической историографии, но и другими течениями русской и Западно-европейской исторической мысли, которые имели место при его жизни.

III

Как известно, творчество А. С. Пушкина всенационально. Оно отражает глубокий интерес великого поэта ко всем народам и в том числе к народам, населяющим наш союз, интерес к их нравам, обычаям, культуре, их искусству. „А. С. Пушкин не испытывал затруднений перед воспроизведением самых отдаленных времен и культур и вся история мира от „египетских“ до „украинских ночей“ вошла легкими узорами в ткань его поэзии. И античный мир в образах анакреонтического и софического мастерства или в подражаниях Ювеналу и Горацию, и средние века („Скупой рыцарь“, сцены из рыцарских времен) и мусульманский восток, и славянский запад, и европейские страны в их исторических легендах и революционных потрясениях — на все эти смены эпох и культур Пушкин „родил свой отклик“. ¹ Но вполне естественно, что эта особенность творчества А. С. Пушкина в значительной мере определялась и обуславливалась тем, что великий поэт, чрезвычайно интересовался историей народов вообще и народов нашего Союза в частности. Интересуясь историей народов, А. С. Пушкин тщательно и глубоко изучал ее. Плодом этого изучения явились заметки по истории отдельных стран. Достаточно указать, что внимание А. С. Пушкина направлялось на историю колонизации Северной Америки (Джон Теннер), на историю Рима („Замечания на Анналы Тацита“), на историю Франции и Французской революции, („Заметки по истории французской революции“ „О народном представительстве 1789 г.“) и т. д.

До нас дошли заметки и по истории отдельных народов нашего Союза. Чрезвычайно показательно что А. С. Пушкин очень интересовался историей Камчатки и историей камчатских народов. Он между прочим готовил статью об этой стране. Вероятно, эта статья предназначалась для „Современника“. С этой целью А. С. Пушкин изучает „Описание земли Камчатки“ С. П. Крашенинникова. Он обстоятельно реферiert эту работу, при чем подчеркивает те места, где говорится о борьбе камчадалов с русскими колонизаторами. ² Но в особенности А. С. Пушкин интере-

¹ Н. Арденс, Пушкин и народы СССР, Известия, № 11 за 1937 г.

² Заметки при чтении „Описания земли Камчатки“ С. П. Крашенинникова, ПСС, т. V, стр. 257—283.

совался историей Украины. Сохранилась заметка на французском языке о древнейшем периоде Украины.¹ Анализируя эту заметку, современный историк должен обратить внимание на два факта. Прежде всего, А. С. Пушкин рассматривает Украину, как особую страну. Он так определяет Украину: „Украиной или Малороссией, называют обширное пространство, соединенное с колоссом Россией и состоящее из губерний Черниговской, Киевской, Харьковской, Полтавской и Подольской.“

Другим интересным фактом является то, что А. С. Пушкин, вопреки всем традициям современной ему и позднейшей историографии, начинает следить за историческими судьбами украинского народа с самого древнейшего периода русской истории. Он свою заметку по истории Украины начинает с истории тех племен, которые когда-то населяли территорию современной Украины. Но А. С. Пушкин не только сам лично интересуется и изучает историю Украины, но одновременно пропагандирует среди своих читателей интерес к ней.

Давая оценку литературной деятельности епископа Белорусского Георгия Конисского,² указывает, что его главное произведение „История Малороссии“ осталось неизданным. А. С. Пушкин старается всячески привлечь внимание к этой работе. Он между прочим, отмечает, что „Конисский совершил свой труд по истории Украины с удивительным успехом“ „Он сочетал поэтическую свежесть летописи с критикой, необходимой в истории“.

А. С. Пушкин не довольствуется этим отзывом о труде Конисского; он дает два отрывка из него, относящихся к периоду борьбы украинского народа с Польшей („Введение унии“ и „Казнь Острицы“).

Чтобы оценить это исключительное отношение А. С. Пушкина к истории народов СССР, определяемое искренней и глубокой любовью к этим народам, надо учесть, что как раз в его время начинает создаваться Погодиным и Уваровым т. наз. теория официальной народности, являющаяся квинт-эссенцией великодержавного шовинизма и мракобесия.

IV

Обратимся к изучению отношения А. С. Пушкина к крестьянским войнам. Здесь, как нам кажется, в специальной литературе наблюдается недооценка роли и значения великого поэта в деле пробуждения интереса к крестьянским войнам. В основном сложилось мнение, что „История пугачевского бунта“— неудачное произведение, справедливо не оцененное при ее появлении и не имеющее особого значения в русской историографии. Интерес к этой теме со стороны А. С. Пушкина оправдывался только тем, что благодаря работе над историей восстания Пугачева им хорошо изучен исторический фон для „Капитанской дочки“. Естественно, что нет и специальных исследований, которые давали бы глубокий историографический анализ этому

¹ Заметки по истории Украины, ПСС, т. VI, стр. 195—199.

² Собрание сочинений Георгия Конисского архиепископа Белорусского, ПСС, т. V, стр. 115.

крупному, законченному, настоящему историческому произведению А. С. Пушкина.

Само собой разумеется, в нашей краткой статье мы не в состоянии дать этот анализ, но хотелось бы подчеркнуть ряд моментов, которые как то были упущены при изучении литературного наследства А. С. Пушкина.

Здесь прежде всего мы должны констатировать, что А. С. Пушкин был первым писателем в России, проявившим глубокий интерес к крестьянским войнам и к вождям крестьянских войн, вместе с тем стремившимся пробудить этот интерес в широких массах. Очень интересно отметить, что этот интерес у А. С. Пушкина стал проявляться давно, во всяком случае задолго до того, как он стал писать „Историю пугачевского бунта“. Еще в 1824 г., находясь в селе Михайловском, А. С. Пушкин писал брату: „Ах, боже мой. Чуть не забыл. Вот тебе задача, историческое, сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории“...

Этот глубокий интерес к Разину, как известно, не прекращался с течением времени. Он выразился не только в том, что он написал „Песни о Стеньке Разине“, но и делал настойчивые попытки провести их через цензуру.

Такой же глубокий и постоянный интерес наблюдался у А. С. Пушкина и по отношению к Пугачеву. В том же письме к брату от 1824 г. он просит его выслать ему в Михайловское материалы о жизни Пугачева.

И здесь как то в литературе не в достаточной степени прочувствовано и объяснено, почему прославленный поэт избрал тему об истории Пугачевского восстания. Ведь А. С. Пушкин, конечно, должен был понять, что эта тема крайне неинтересна, как для официальных кругов, так и для читающей публики. Для официальных кругов было ясно, что Пушкин никогда не согласится на проведение в этой работе официальных или по крайней мере официозных взглядов на восстание Пугачева. А. С. Пушкин должен был ожидать, что при проведении своей работы через цензуру он встретит непреодолимые трудности. Для читательской массы эта тема была совершенно неактуальной. Для небольшой группы историков-профессионалов и читателей их произведений, тема о Пугачевском восстании была неактуальной потому, что в этой группе на очереди стояли совершенно другие вопросы, далекие от событий XVIII века. Здесь стала оживленно обсуждаться норманская проблема; здесь стали обсуждаться вопросы об общественном строе древней Руси. Несомненно, история Пугачевского восстания была неприятным и нетактичным напоминанием о совсем недавних черных днях русского дворянства. У читателя могли возникнуть мрачные мысли о возможности повторения этих черных дней в ближайшем будущем.

А. С. Пушкин мог избрать более актуальную и более легкую для историка не профессионала тему, которую легче было бы провести через цензуру. И тем не менее А. С. Пушкин, находясь в таких исключительно трудных условиях и, вероятно, прекрасно сознавая, что его работа не будет иметь никакого успеха во-

вне, тем не менее стал работать над Пугачевским восстанием. Нам известно, что А. С. Пушкин работал очень много над этой темой. По установившемуся мнению он работал над ней не меньше, нежели над „Евгением Онегиным“.

Уже одно это обстоятельство должно быть как то глубже продумано, нежели это имело место до сих пор. Этот факт, как нам думается, может быть объяснен только тем, что А. С. Пушкин, как никто в России, понимал актуальность темы о крестьянских войнах и наперекор всему уделил массу времени и внимания работе.

Как известно, „История Пугачевского бунта“ действительно не имела никакого успеха ни у читателей, ни в официальном мире. Сам А. С. Пушкин записал в своем дневнике: „В публике очень бранять моего Пугачева, а что хуже — не покупают. Уваров — большой подлец. Он кричит о моей книге, как возмутительном сочинении. Его клеветет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня цензурным комитетом“¹...

Мы сейчас, в свете учения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина прекрасно видим недостатки и ошибки „Истории Пугачевского бунта“, даже если мы будем учитывать те непреодолимые трудности, которые А. С. Пушкин должен был преодолевать при написании этой работы и при проведении этой работы через цензуру. Достаточно указать, что история Пугачевского бунта написана в плане не крестьянской войны, а казачьего восстания. Не крестьяне, не уральские работные люди, не башкиры считаются основными движущими силами восстания, а лишь уральское казачество. Но нам думается, что в конце концов будет выяснено, что многие ошибки А. С. Пушкина могут быть объяснены тем, что ему в архивах дали крайне небольшой и своеобразно подобранный материал, который был достаточен только для написания внешней, вернее, военной истории Пугачевского восстания“. Возможно, что А. С. Пушкин написал „Историю Пугачевского бунта“ в плане восстания уральских казаков и в целях более легкого проведения своей работы через цензуру.

И тем не менее при всех недостатках „Истории Пугачевского бунта“ мы должны констатировать большое общественное значение этого произведения. Не даром граф Уваров называл эту историю возмутительным сочинением. Прежде всего Уваров и его клеветы должны были констатировать, что предпосылки восстания даны были А. С. Пушкиным отнюдь не в отрицательном плане и, что важнее, Пугачев не был представлен „злодеем“, купавшимся в бессмысленно пролитой крови, злодеем, который своим успехом обязан не качествам организатора и полководца, а своей бесчеловечной жестокости. Наметанный глаз Николаевских жандармов и цензоров должен был убедиться в том, что в „Истории Пугачевского бунта“ А. С. Пушкин не сгладил своего явного сочувствия к восставшим казакам и к вождю восстания Пугачеву. Они должны были понять, что и эпиграф, взятый А. С. Пушкиным у архимандрита Платона

¹ Дневник (ПСС, т. VI, стр. 428).

Любарского и названия: „чернь и сволочь“, которые А. С. Пушкин давал присоединившимся к восстанию отдельным отрядам восставших, имели своей целью затушевать зловерность основных его взглядов.

Обратимся к предпосылкам восстания Пугачева, которые даются А. С. Пушкиным в первой части его „Истории“. Он прежде всего указывает, что когда уральские казаки обратились к царю Михаилу Федоровичу с просьбой принять их под свою высокую руку, то царь „пожаловал им грамоту на реку Яик, отдав им ее от вершины до устья и дозволяя им набираться нажитое вольными людьми“.¹ Этим А. С. Пушкин хочет подчеркнуть, что права уральских казаков на землю и автономию были основаны на акте государственной власти.

А. С. Пушкин далее отмечает лояльность, демократичность и романтическую простоту быта уральских казаков. „Яицкие казаки послушно несли службы по наряду московского приказа; но дома сохраняли первоначальный образ управления своего. Совершенное равенство прав; атаманы и старшины, избираемые народом, временные исполнители народных постановлений; круги или совещания, где каждый казак имел свободный голос и где все общественные дела решены были большинством голосов“.²

А. С. Пушкин затем переходит к рассказу о тех мероприятиях правительства, которые послужили причиной восстания. Он прежде всего указывает на действия Петра I. „Петр I принял первые меры для введения яицких казаков в общую систему государственного управления. В 1720 году яицкое войско отдано было в ведомство военной коллегии“.³ Однако, А. С. Пушкин не говорит о причинах этого наступления царской власти на вольное уральское казачество, несмотря на его лояльность и верную службу, и читатель принужден признать это мероприятие Петра проявлением необоснованного произвола.

Когда правительство учредило при войске канцелярию, то казаки начали жаловаться „на удержание определенного жалования, самовольные налоги и нарушение старинных прав и обычаев рыбной ловли“. А. С. Пушкин подчеркивает, что „чиновники, посылаемые к ним для рассмотрения их жалоб, не могли или не хотели их удовлетворить“. Жалобы казаков были справедливы, т. к. особая следственная комиссия устранила атамана. А. С. Пушкин продолжает отмечать, что несмотря на притеснения, уральские казаки все же продолжают оставаться в рамках лояльности и легальности. „Казаки не теряли надежды“.⁴ Но в особенности должно произвести впечатление на читателей указание на повод восстания казаков в 1771 г.

„Между Волгой и Яиком, по необозримым степям астраханским и саратовским, кочевали мирные калмыки, в начале осемнадцатого столетия ушедшие от границ Китая под покровительство белого царя. С тех пор они верно служили России, охраняя

¹ История Пугачевского бунта (ПСС, т. V, стр. 283).

² Указ. соч., стр. 285.

³ Указ. соч., стр. 285.

⁴ Указ. соч., стр. 286.

южные ее границы. Русские приставы, пользуясь их простотою и отдаленностью от средоточения правления, начали их угнетать. Жалобы сего смиренного и доброго народа не доходили до высшего начальства: выведенные из терпения, они решили оставить Россию... Правительство спешило удержать неожиданный побег Яицкому войску велено было выступить в погоню, но казаки (кроме весьма малого числа) не послушались и явно отказались от всякой службы".¹

Читатель таким образом утверждался в начавшем складываться мнении, что произвол правительства, вымогательство правительственных агентов и нежелание преследовать смиренный и добрый калмыцкий народ явились причиной восстания 1771 г. и, следовательно, и восстания Пугачева.

Последующее изложение событий Пугачевского восстания должно привести читателей к совершенно иному взгляду на деятельность Пугачева, нежели это было указано в эпиграфе, взятом из труда арх. Платона Любарского. Любарский писал о Пугачеве, что его „все затеи не от разума и воинского распорядка, но от дерзости, случая и удачи зависели“, а читая „Историю Пугачевского бунта“ приходится убеждаться, что успехи Пугачева обуславливаются его личными качествами. По А. С. Пушкину, Пугачев — настоящий вождь, решительный, храбрый и необыкновенно предприимчивый. А. С. Пушкин нигде не говорил, что тот или иной успех зависел от действий его помощников. Везде и всюду мощная фигура Пугачева заслоняет всех других деятелей движения.

На ряду с Пугачевым А. С. Пушкин отмечает еще Хлопушу. Очень характерно, что А. С. Пушкин так описывает конец его: „Хлопуша прискакал в Каргале, с намерением спасти жену и сына. Татары связали его и послали уведомить о том губернатора. Славный каторжник был привезен в Оренбург, где наконец отсекли ему голову“.²

Чтобы подчеркнуть военные знания Пугачева А. С. Пушкин говорит: „Распоряжения Пугачева удивили князя Голицына, не ожидавшего от него таких сведений в военном искусстве“.³

Можно бы привести много мест из „Истории Пугачевского бунта“, где А. С. Пушкин подчеркивает исключительную храбрость Пугачева. Так, рассказывая о взятии Нижне-Озерной крепости, он говорит: „Утром Пугачев показался перед крепостью. Он ехал впереди своего войска: „Берегись государь“, сказал ему старый казак: „неравно из пушки убьют““.⁴

При наступлении на Оренбург сам Пугачев ими (штурмовой колонной) предводительствовал. Егери полевой команды выгнали их из предместья. Пугачев едва не попался в плен.⁵

А. С. Пушкин тщательно констатирует все эти проявления исключительной храбрости Пугачева во весь период восстания.

¹ Указ. соч., стр. 287.

² Указ. соч., стр. 338.

³ Указ. соч., стр. 337.

⁴ Указ. соч., стр. 297.

⁵ Указ. соч., стр. 307.

Даже момент сдачи Пугачева описан им так, что читатель невольно проникается уважением к мужественному вождю восстания. Это нескрываемое сочувствие А. С. Пушкина к уральским казакам и к Пугачеву бросается в глаза.

Будущему исследователю, вероятно, удастся выяснить, что разрешение на издание „Истории Пугачевского бунта“ совпало с какими-то тонкими извивами в крестьянской политике Николая I или с какими-то настроениями правящей верхушки. Очень характерно, что разрешение издать „Историю Пугачевского бунта“ совпало с запрещением печатать „Медного всадника“. Но само собой разумеется, не все из окружения Николая I были посвящены во все пружины его политики и поэтому разрешение издать „Историю Пугачевского бунта“ должно было поразить и смутить многих николаевских жандармов. К их числу принадлежал и Уваров, который по свидетельству Пушкина продолжал называть „Историю Пугачевского бунта“ „возмутительным сочинением“ и пытался через своих клеветников приостановить его распространение.

Как бы то ни было, но мы должны признать, что, как самый выбор А. С. Пушкина темы для исторического исследования, так и разработка ее является явлением исключительным не только в современной Пушкину историографии, но и в историографии позднейшего времени.

Ни один крупный буржуазный историк не делал восстание Пугачева темой для магистерской и докторской диссертации. О величайшей крестьянской войне в России чрезвычайно мало говорилось даже в университетских курсах. А в курсе Платонова о восстании Пугачева совершенно умалчивается.

V

Перейдем к оценке взглядов А. С. Пушкина на XVIII в. русской истории. А. С. Пушкин прекрасно знал этот период. Он не только освоил всю имевшуюся историческую литературу, но работал, как известно, очень долгое время в архивах, сперва по истории Пугачевского бунта, а затем по истории Петра I.

Можно с уверенностью сказать, что А. С. Пушкин не уступал в своем знании этой эпохи любому современному ему историку профессионалу. Вполне естественно, что ему удалось выработать свою законченную схему русской истории после петровского периода, которая, несомненно, была на более высоком уровне, нежели схемы многих весьма крупных представителей буржуазной историографии.

Как известно, А. С. Пушкин интересовался чрезвычайно историей Петра I. Он предполагал дать большое исследование, посвященное обзору его деятельности. До нас дошел даже план введения к истории Петра I. Дошли также и заметки, которые он делал при изучении материала.

Изучая все относящиеся к истории Петра материалы, приходится признать, что если бы А. С. Пушкину удалось довести до конца свое исследование о Петре I, то оно прочно бы вошло в научный оборот и обогатило бы русскую историческую науку

на определенном ее этапе. Недаром М. Н. Покровский принужден был признать, что „книги с таким освещением Петра у нас нет. Если бы была, это было бы совершенно оригинальным произведением, куда выше не только опять таки позднейших университетских курсов, но и того, что писали о Петре, хотя бы Герцен и Чернышевский.“¹ Мы не имеем возможности дать подробный анализ тем взглядам А. С. Пушкина на Петра I, которые подчеркивают прогрессивность и глубину его исторического мышления. Приходится ограничиться указанием только на некоторые, наиболее основные. Здесь прежде всего необходимо отметить, что А. С. Пушкин, как никто до него, пытался связать реформы и внешнюю политику Петра с органическим развитием Московского государства. Как видно из плана введения в историю Петра I, А. С. Пушкин очень тщательно хотел проанализировать общий ход внешней политики Московского государства, так и внутреннее его состояние и тем самым показать историческую обусловленность петровской деятельности.² Другим моментом, резко выделявшим взгляды А. С. Пушкина из современных ему и позднейших историков,— это связь приемов и методов Петра с практикой крепостной вотчины. Обозревая деятельность Петра, А. С. Пушкин замечает: „Достаточно удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для будущего,— вторые вырвались у нетерпеливого, самовластного помещика № 3. (Это внести в историю Петра, обдумав)“.³

А. С. Пушкин в своих материалах тщательно фиксирует наиболее яркие случаи проявления этой оборотной стороны деятельности Петра.

Третьим моментом в изучении А. С. Пушкина является то, что он стремился показать, что Петр боролся с варварством варварскими способами. Приведем наиболее яркие места из его материалов:

„1713. 11. Повелел новгородскому губернатору Корзакову, чтобы все дворяне были к 1-му декабря на смотре, под опасением лишения чести и живота с похмелья видно“.

„ 1714. 13. В сие же время издан тиранский указ о запрещении во всем государстве каменного строения под страхом конфискации и ссылки“.

„ 1715. 14. Петр опять издал один из своих жестоких указов: он повелел готовить нефть новым способом, по обыкновению своему заслушав угрожая кнутом и каторгой“.⁴

Если бы А. С. Пушкин довел свое исследование о Петре I до конца, то несомненно, получился бы живой образ Петра,

¹ Указ. соч., стр. 26

² ПСС, т. VI, стр. 256—257

³ Заметки в неизданных тетрадах, ПСС, т. VI, стр. 246.

⁴ ПСС, т. VI, стр. 244.

ничего общего не имеющий с сусальными его изображениями в буржуазной литературе.

А. С. Пушкин дает затем следующую характеристику преемникам Петра I.

„Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностью подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе“.

„Доказательство тому — царствование безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона и сладострастной Елизаветы“.¹

Чтобы учесть значение этих высказываний А. С. Пушкина, надо принять во внимание, что крупнейшие буржуазные историки из преемников Петра всегда выделяли Елизавету Петровну, при чем часто описание ее деятельности превращалось в настоящий панегирик. В особенности „любовался“ Елизаветой Петровной Соловьев, который приписал ей целый ряд качеств, которых она не имела.

„Восстановление учреждений Петра Великого“, говорит Соловьев о царствовании Елизаветы, „в том виде, в каком он оставил, постоянное стремление дать силу его указам, поступать в его духе — сообщала известную твердость, правильность, систематичность действиям правительства, а подданным уверенность и спокойствие“. Да и много других крупных буржуазных историков стремились сгладить убийственную характеристику этого царствования, которая была дана современником, очень хорошо знакомым с существовавшими тогда порядками, — Паниным, который писал: „Сей эпок заслуживает особое примечание: в нем все было жертвовано настоящему времени, хотениям припадочных людей и всяким посторонним малым приключениям в делах“. В частности, много страниц с целью защиты этого царствования от нападок современников и тех историков, которые их подтверждали, посвятил в своих лекциях и Платонов.

Но в особенности поражает глубиной анализа характеристика данная А. С. Пушкиным Екатерине II.

Он с необыкновенной силой подчеркивает прежде всего развращающее значение деятельности Екатерины II.

„Царствование Екатерины II имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России... Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства... Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве. Много было званых и много избранных“... „Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала. Одобренные

¹ Заметки по русской истории (ПСС, т. VI, стр. 179)

таковою слабостью, они не знали меры своему корыстолюбию и самые отдаленные родственники временщика с жадностью пользовались кратким его царствованием. Отселе произошли сии огромные имения повсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа. От канцлера до последнего протоколиста все крало и все было продажно. Таким образом, развратная государыня развратила и свое государство".¹

А. С. Пушкин подчеркивает роль Екатерины в развитии крепостничества и в порабощении завоеванных народностей.

"Екатерина уничтожила звание (справедливое название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е., свободных хлебопашцев) и закрепила вольную Малороссию и польские провинции".²

А. С. Пушкин бичует лицемерие Екатерины II.

"Екатерина уничтожила пытку, а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шешковского в темницу, где находился до самой смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами — и Фон-Визин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если бы не чрезвычайная его известность".³

Но особенно обращает на себя внимание оценка А. С. Пушкина поведения Екатерины II в сношениях с Западно-Европейскими просветителями и в деле организации „Комиссии для сочинения проекта нового уложения“.

Огромное большинство буржуазных историков, как известно, старалось уверить себя и своих читателей в искренности и чистоте намерений Екатерины, как при переписке с просветителями, так и при составлении наказа. Мы не будем приводить мнения по этому поводу всех наиболее крупных историков. Ограничимся ссылкой на Платонова. Платонов например пишет: „Екатерина, воспитавшаяся на освободительных теориях XVIII века, не могла сочувствовать крепостному праву и мечтала об освобождении крестьян... Она искренно желала облегчить положение „рабов“, т. е. крестьян и уничтожить „рабство“ в своей империи. И вот в первоначальной редакции наказа рассеяно много замечаний и размышлений о крестьянах и о необходимости улучшить их положение и уничтожить крепостное право, но в окончательной редакции наказа это... выпущено... нет сомнения, что здесь действовало влияние окружающих людей, помаравших ее наказ. Однако, отступничество от высказанных взглядов Екатерины не было искренним".⁴ Таким образом, неудача задуманных Екатериной II мероприятий объясняется тем, что Екатерина встретила противодействие со стороны ее окружения.

¹ Указ. соч., стр. 180.

² Указ. соч., стр. 182.

³ Указ. соч., стр. 182.

⁴ Платонов С. Ф., Лекции по русской истории, СПб, 1907 г. изд., 5-е, стр. 576—577.

Как это все далеко от искренних и глубоких суждений А. С. Пушкина: „Современные иностранные писатели осыпали Екатерину чрезмерными похвалами: очень естественно, они знали ее только по переписке с Вольтером и по рассказам тех именно, коим она позволяла путешествовать.

Фарса наших депутатов, столь непристойно разыгранная, имела в Европе свое действие; „наказ“ ее читали везде и на всех языках. Довольно было, чтобы поставить ее наряду с Титами и Троянами, но перечитывая сей лицемерный „наказ“, нельзя воздержаться от праведного негодования. Простительно было фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне, он не знал, он не мог знать истины: но подлость русских писателей для меня непонятна“.¹

Свои заметки по истории XVIII в. А. С. Пушкин заканчивает характеристикой Павла.

„Царствование Павла доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы. Русские защитники самовластия в том несогласны и принимают славную шутку г-жи де-Сталь за основание нашей конституции: „En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la itrangulation“.²

Подведем итоги нашему краткому обзору исторических взглядов А. С. Пушкина. Здесь нам прежде всего надо указать на место, которое они занимают в истории русской исторической мысли. Что его взгляды ничего общего не имеют со взглядами представителей феодально-крепостнической историографии и в том числе Карамзина, как будто достаточно выяснено.

Далее, хотя обсуждение взглядов Н. А. Полевого помогло А. С. Пушкину еще раз пересмотреть свою концепцию русского исторического процесса и внести в нее ряд существенных поправок, тем не менее он не разделял многих, наиболее существенных взглядов автора „Истории русского народа“. К тому же историческое мирозерцание А. С. Пушкина в основном сложилось до выхода в свет первых томов этой „Истории“.

Вместе с тем, взгляды А. С. Пушкина ничего общего не имеют ни с взглядами славянофилов, ни с взглядами представителей ранней буржуазной школы (Эверса, Соловьева, Кавелина, Чичерина и т. д.).

Наконец, взгляды А. С. Пушкина превосходят по своей глубине исторического анализа взгляды многих наиболее крупных представителей дореволюционной историографии. Словом, придется признать, что концепция русского исторического процесса А. С. Пушкина является совершенно оригинальной. Но будучи совершенно оригинальной эта концепция характеризуется целым рядом таких прогрессивных черт, которых мы часто не найдем в трудах наиболее передовых, наиболее прославленных историков — „профессионалов“ дореволюционного времени.

¹ Указ. соч., стр. 183.

² „Правление в России есть деспотизм, ограниченный удавкою“. Указ. соч., стр. 184.

И даже краткий наш обзор позволил выявить целый ряд этих черт: признание существования феодализма в России в течение весьма длительного периода, признание актуальными темы о крестьянских войнах, разработка этих тем в благожелательном для вождей и определенной части восставших духе, исключительный интерес к истории народов поработенных и угнетенных царизмом, наконец, свержение исторических кумиров XVIII в.

Более подробный и тщательный анализ исторических произведений А. С. Пушкина, несомненно, позволил бы выявить много и других ярко прогрессивных черт в его историческом мирозерцании.

Все это лишний раз показывает исключительную многогранность и широту его гения.
